

МИР

№:1-1928

ПРИКЛЮЧЕНИИ

ИЗД-ВО
П. П. СОЛКИН
ЛЕНИНГРАД

Одна треть жизни

A black and white illustration. On the left, a large, stylized letter 'О' is partially visible. In the center, a clock face is shown with numbers 1 through 12. Below the clock, a person is depicted lying in a bed, appearing to be asleep. The background is dark, and the overall style is reminiscent of early 20th-century book illustrations.

Фантастический рассказ С. РОМОВА.

Иллюстрации Н. УШИНА.

1.

ТЕПЕРЬ я перехожу к самой существенной части моего доклада, — сказал профессор и, сделав паузу, не спеша, как будто речь шла о самых обычных вещах, наполнил стакан водою и отпил несколько глотков.

Аудитория замерла в напряженном молчании.

Это была не совсем обычная аудитория. Слух об открытии профессора Шмидта какими-то неведомыми путями, какими распространяются все слухи, успел облететь весь ученый мир. И хотя точно никто не знал, в чем заключается открытие, все, получившие приглашение, поспешили собраться в назначенный день и час в помещении одного из старейших университетов Европы, едва достаточном для того, чтобы вместить собравшихся. Наука всего мира была представлена здесь своими наиболее выдающимися адептами. Эта аудитория могла бы по справедливости быть названа — мозгом человечества.

— Я познакомил вас, — продолжал профессор, — со всеми крупнейшими открытиями в области физиологии сна, начиная с замечательных для своего времени работ Лежандра и Пьерона, впервые установивших токсическую природу сна, я рассказал вам также, каким образом мне удалось выделить, изучить и затем синтезировать антигипнозин сонного яда. Как вы увидите, синтез этот не настолько сложен, чтобы мы не могли без особенного труда организовать производство антигипноксина в мировом масштабе и путем ежедневного

вливания его в кровь избавить человечество от величайшего зла, каким наградила его природа — сна. Но, как вы сейчас убедитесь, эти грандиозные антигипнозинные лаборатории нам совершенно не нужны, как не нужен больше и самый синтез, потребовавший, между прочим, шести лет напряженной работы для своего осуществления.

Всем вам, конечно, хорошо известно, что многие реакции, протекающие в нашем организме, имеют каталитический характер. Когда я работал над синтезом антигипноксина, желая упростить его и сделать возможным его осуществление в техническом масштабе, мне пришла в голову мысль попытаться найти катализатор и для той реакции. Такой катализатор, ускоряющий течение реакции в тысячи раз и могущий, не расходуя, продуцировать неограниченное количество синтезируемого вещества, мною найден.

Дальнейший ход моей мысли, я думаю, вам ясен. Раз нам известно, что организм в течение нескольких часов сна вырабатывает количество антитела, достаточное, чтобы нейтрализовать весь накопившийся за день гипнотоксин, то естественно предположить, что путем введения в кровь катализатора можно ускорить реакцию в организме точно так же, как мы ускоряем ее в колбе. Опыты, произведенные мною в этом направлении, вполне оправдали сделанное предположение и по своим результатам превзошли все ожидания. Оказалось достаточно ввести в организм ничтожное количество катализатора, чтобы

реакция протекала с такою интенсивностью, какая необходима для нейтрализации всего сонного яда в момент его образования. Далее мною было установлено, что катализатор не выносятся из организма вместе с выделениями, находясь, повидимому, в какой-то особой, ближе пока не установленной, связи с органическими составными элементами крови.

Вещество, служащее катализатором, не отличается сложностью состава и представляет собою соединение одного из весьма распространенных на земной поверхности элементов.

Вот его формула..

Когда формула засияла на экране, такая простая и понятная, гробовое молчание аудитории прорвалось неясным гулом, как бы глубоким вздохом, одновременно вырвавшимся из тысячи грудей. В этом вылилось глубокое волнение слушателей, постепенно и непрерывно нараставшее в теченье всего доклада. Напряженное внимание сменилось всеобщим возбуждением. Каждый испытывал непреодолимую потребность высказаться, поделиться охватившим его чувством.

И однако, когда профессор Шмидт снова заговорил, аудитория мгновенно опять погрузилась в молчание. Мозг человечества был хорошо дисциплинирован.

— Мне осталось сказать немного,—произнес докладчик.—При всем моем нежелании придавать слишком большое значение моей работе, я все же не могу недооценивать значения факта, который я вам только что сообщил.

Итак, сон побежден!

Отныне человечество получает в свое распоряжение одну треть жизни, отнятую у него природой, что составляет, считая лишь работоспособное население, около шести миллиардов рабочих часов в сутки.

При последних словах оратора по аудитории опять пронесся гул заглушенных восклицаний, выдавший волнение слушателей. Слишком велико было значение открытия, чтобы его легко было осознать, как реальный

факт, даже для таких умов. Оно подавляло своей грандиозностью.

— Не подлежит сомнению,—продолжал оратор,—что победа над сном сулит человечеству неисчислимыя блага. Однако, было бы величайшим легкомыслием, больше того, преступлением, начать немедленно всеобщие противосонные прививки. Будем помнить, что всякое великое начинание таит в себе и величайшие опасности. Какого рода могут быть эти опасности,—ни я, ни кто-либо другой не в состоянии сейчас предвидеть, но скрывать от себя их возможность мы не имеем права. Наша ближайшая и неотложная задача—исследовать всесторонне физиологическое действие противогипнотоксинной прививки во всем его объеме, для чего, вероятно, потребуется не один год работы. Мною и моими сотрудниками работа в этом направлении уже начата, но находится еще в начальной стадии и пока очень далека от своего завершения. Между прочим, считаю нужным довести до вашего сведения, что я сделал себе прививку несколько месяцев тому назад и с тех пор не спал ни одной минуты. Никаких побочных физиологических явлений я на себе пока не обнаружил, несмотря на непрерывный и самый тщательный контроль над всеми функциями организма. Но, конечно, этот единичный и слишком кратковременный опыт не имеет никакой доказательной силы.

Теперь мне остается сообщить вам, почему я, сознавая всю опасность преждевременного проникновения в массы моего открытия, тем не менее решился обнародовать сегодня результаты моей незаконченной работы. Я сделал это потому, что две недели тому назад секрет моего открытия, известный до этого лишь мне одному, был у меня украден.

Здесь опять слушатели не могли сдержать своего удивления, вызванного столь неожиданным заявлением докладчика.

Когда аудитория снова смолкла, профессор продолжал:

— Не желая сделать научное открытие такой большой важности в первую очередь достоянием преступ-

ников, я на другой же день принял все меры к его скорейшему опубликованию, ибо это было единственное, что я мог сделать.

Теперь я обращаюсь к вам с призывом. Я призываю вас употребить все усилия, все доступные вам средства, чтобы предостеречь людей от преждевременного использования моего открытия до того времени, когда работа, которая теперь станет, — надеюсь, —нашей общей работой, будет закончена в полном объеме. Я думаю, что это — наш долг перед человечеством.

Я кончил.

II.

ПРИЗНАКИ надвигающейся опасности появились не сразу. Прошло несколько месяцев прежде, чем что-либо стало известно.

Профессор Шмидт принял все меры к тому, чтобы содержание его доклада не проникло в широкую публику. Представители прессы на заседание допущены не были. Вместо этого все крупнейшие газеты получили информационное сообщение, в котором говорилось, что профессором Ш. открыт способ оказывать более или менее длительное противодействие потребности в сне, но что способ этот еще не разработан в достаточной мере и поэтому в настоящее время ни в коем случае не может быть введен во всеобщее употребление. Разработка его, говорило далее, будет немедленно начата одновременно в нескольких лабораториях и о результатах ее будет сообщаться по мере хода работ.

Таким образом, интерес к новому открытию в обществе был весьма искусно потушен. Без газетного шума дело, конечно, не обошлось, но размеры его не превышали пределов очередной «сенсации», которая создается ежедневной прессой по всякому, заслуживающему и незаслуживающему внимания поводу. К тому же описываемая эпоха была необыкновенно богата крупными достижениями в различных отраслях науки, и среди них особенный интерес вызывали работы по разложению и син-

тезу элементов, сулившие близкий переворот во многих областях техники и обещавшие в недалеком будущем полное переустройство многих сторон повседневной жизни. Поэтому, внимание широких слоев населения было скоро отвлечено от открытия профессора Шмидта, и о нем почти перестали вспоминать.

По настоянию ученых, присутствовавших на заседании, в скором времени почти во всех странах, в кодексах законов, регулирующих употребление и распространение различных ядовитых и сильно действующих на организм веществ, был прибавлен еще один пункт. Этим пунктом воспрещалось не только частным лицам, но и всем без исключения врачам, пользование с какими бы то ни было целями препаратами, уничтожавшими или якобы уничтожавшими нормальный сон, равно как их изготовление и распространение. На это также никто не обратил особого внимания.

Первой заговорила статистика. Она отметила необыкновенно быстро прогрессирующий рост самоубийств, почти одновременно начавшийся во всех крупных городах мира. Число самоубийств в один месяц, сделав колоссальный скачок, достигло цифры, характеризующей двадцатые годы XX столетия, в следующий месяц уже превышало эту цифру в несколько раз и продолжало расти с поразительной быстротой. Это странное явление не поддавалось решительно никакому объяснению.

Вслед затем подала голос медицинская научная пресса. Она в свою очередь отметила чрезвычайный рост заболеваний нервной системы во всевозможных формах и проявлениях. Эта своеобразная эпидемия также быстро и неуклонно росла.

В это время несомненно уже многие знали и очень многие догадывались о причинах странных явлений. Но те, которые знали наверное, будучи непосредственно замешаны во всем происходящем, молчали по вполне понятным причинам. Те же, которые только подозревали истину, и прежде всего ученые и врачи, молчали просто потому, что никто не решался

первый открыто выступить с разъяснениями. Ведь это значило бы привлечь к открытию профессора Шмидта всеобщее внимание и тем самым еще более ухудшить дело.

Конечному неестественному положению вещей положила полиция одного из крупнейших городов Америки. Она первая довела до всеобщего сведения, что ею за последнее время арестован и предан суду целый ряд лиц и тайных организаций, производивших за очень высокую плату противосонные прививки.

Тут уже заговорили все сразу, ибо больше не было ни возможности, ни смысла молчать.

Необыкновенное известие, быстро облетев мир, захватило и взволновало буквально все человечество. От последнего нищего до правителя государства все говорили и думали об одном. Везде, вплоть до самых глухих уголков земного шара, мысли всех были устремлены к одной и той же проблеме, — проблеме победы над сном.

III.

ПРОФЕССОР Шмидт сидел в своем рабочем кабинете, погруженный в мрачные думы. Его, конечно, более чем кого бы то ни было волновали разворачивающиеся события. Ведь он один был виновником всего происшедшего и, следовательно, он один должен был чувствовать себя ответственным за все.

В дверь постучали и вошел старший ассистент профессора Браун, его неизменный товарищ по работе в течение многих лет. Взглянув внимательно в лицо вошедшего, про-

фессор только теперь заметил, какая ужасная перемена произошла с его ассистентом за последнее время. Браун был страшно бледен и худ; глаза его провалились, взгляд потускнел. Его лицо и весь вид отражали глубочайшее страдание.

— Я не могу больше,— сразу заговорил ассистент, тяжело опускаясь в кресло. Голос его звучал глухо и надтреснуто.— Делайте со мной, что хотите. Лучше всего дайте мне яду или убейте меня каким хотите способом. У меня не хватает силы воли самому оборвать эти ужасные муки.

— Что с вами? — с участием спросил профессор. — Говорите.

— Ваш каталогизатор. Я не спал с самой той ночи, как украл ваши тетради и сделал себе прививку. Я не могу больше этого вынести.

Профессор, потрясенный до глубины души, некоторое время не мог выговорить ни слова и глядел на своего ассистента широко раскрытыми глазами.

— Так это вы,— вымолвил он наконец, с трудом овладевая собой.— Вы, которому я доверял больше, чем кому бы то ни было! Вы украли мои тетради. Вы брали за это деньги!

— Я ничего никому не говорил,— отвечал ассистент, казалось не замечая волнения профессора,— и ничего не собирался делать. Я только хотел испробовать это на себе.

— Как! Значит я, я сам первый оповестил мир?!

Профессор опустил голову и закрыл лицо руками, как бы желая защититься от падавших на него уд-

— Я никому ничего не говорил,— отвечал ассистент.

— Как! Значит я, я сам первый оповестил мир?!

ров судьбы. Когда же после долгого молчания он снова выпрямился, взгляд его был тверд и спокоен.

— Работать, работать и работать,— произнес он.— То, что мы следили, мы же и должны исправить. Надо найти способ

уничтожить действие противогипнотической прививки. Мы этого достигнем. Вы будете мне помогать, как помогали до сих пор. Вы слышите, Браун? Я вам приказываю!

IV.

ТАКИМ образом человечество внезапно, без всякой подготовки, было поставлено перед дилеммой: — спать или не спать. И оно разрешило эту дилемму вполне единодушно и без малейшего колебания.

Не спать!

Не спать, это значило для одних — целые сутки трудиться, для других — целые сутки наслаждаться, для некоторых — грабить, для иных — творить, для иных — играть.

Но для всех одинаково это значило — жить вполтора раза дольше.

По меньшей мере двадцать пять лет жизни! Перед такой перспективой, конечно, не могло быть никаких сомнений.

Не спать! — гласил единодушный ответ.

С лихорадочной, почти безумной поспешностью человечество вступало в новую эру своего существования. Тысячи лабораторий работали непрерывно, изготавливая противогипнотоксинный препарат профессора Шмидта, и в сотнях тысяч прививочных пунктах также непрерывно он вливался в кровь миллионов людей, жаждавших избавления от сна. На тех, кто не сделал себе прививки, смотрели, как на отверженцев, как на жалких дикарей, находящихся на низшей ступени культуры. Никому не пришлось даже в голову позаботиться об отмене запретительных законов,—о них просто забыли.

Переустройство жизни началось немедленно и, прежде всего, конечно, в крупных городах.

День и ночь потеряли свой смысл. Жизнь была ключем все двадцать четыре часа в сутки, ни на минуту не ослабляя своего бешеного темпа. Круглые сутки неслись автомобили и трамваи, стучали и гремели бесчисленные машины, а непрерывный людской поток катился и катился через улицы и дома.

Техника повседневной жизни быстро приспособлялась к новому строю, подгоняемая все ускоряющимся темпом событий. Увеличивалась в несколько раз мощность электрических станций, усиливалось соответственно движение поездов, трамваев и автобусов, спешно переделывались водопроводные и канализационные

системы, перестраивались вокзалы и порты, расширялись фермы, бойни, мельницы, пекарни, росли фабрики, заводы, магазины и рестораны.

Городам не хватало крови—энергии во всевозможных видах, начиная от хлеба и кончая—радио-волнами. Сельским местностям не хватало мускулов—живой силы людей и животных.

О безработице забыли и думать: недостаток рабочих рук с каждым днем все сильнее давал себя чувствовать. На сцену выступил новый фактор—увеличение рабочего дня.

Всем хотелось не только жить, но и как можно лучше использовать новую, так неожиданно обретенную, часть жизни. Новая жизнь требовала и новых расходов, а, значит, нужны были деньги, их нужно было заработать. Очень скоро, почти одновременно во всех странах, рабочий день был увеличен до восьми часов. Этого, конечно, оказалось мало и вскоре затем последовало увеличение рабочего дня до десяти, затем до двенадцати и четырнадцати часов. Наконец, в целом ряде отдельных случаев дело дошло до пятнадцати и шестнадцати-часового рабочего дня.

День и ночь потеряли свой смысл. Жизнь была ключем все 24 часа в сутки, ни на минуту не ослабляя своего бешеного темпа. Непрерывный людской поток катился и катился через улицы.

В то время борьба с кинотоксинами, ядами мускульной усталости, путем введения в кровь ретардинов, открытых и изученных еще со времени Вейхарта, была широко и планомерно организована повсюду. Это давало возможность работать, не испытывая утомления, неограниченно долго и позволило ко времени, предшествовавшему открытию профессора Шмидта, свести рабочий день к минимуму, усилив в несколько раз производительность труда. Правда, при шестнадцатичасовом рабочем дне человеку оставались для всей его личной и общественной жизни те же восемь часов, которыми он когда-то пользовался при восьми часах работы, употребляя восемь часов на сон, но зато общий заработок увеличился почти втрое.

V.

НОВАЯ эра наступила.

Начался небывалый в истории человечества культурный подъем. Рост промышленности был поистине сказочным. Предприятия возникали ежедневно в таком числе, что вскоре даже в наименее культурных странах стал ощущаться недостаток места. На земле становилось тесно. Миллиарды рабочих часов, подаренные человечеству профессором Шмидтом, продолжали искать себе применения. В источниках же энергии недостатка не было; использовалась главным образом энергия атмосферного электричества, воздушных течений и морских приливов, а в тропических странах кроме того — непосредственно энергия солнца. Но не одна лишь техника переживала период расцвета. Не менее, если не более интенсивно использовали свои добавочные часы и работники умственного труда. Крупнейшие научные открытия и изобретения следовали одно за другим. Никогда еще не печаталось столько книг, не издавалось столько научных журналов. Главную роль в развитии наук и искусств сыграла возможность непрерывной работы в течение неограниченно долгого времени, возможность, имеющая первенствующее значение при всякой творческой работе.

Вся жизнь приняла новую своеобразную форму. Работа всевозможных предприятий и учреждений была постепенно целиком перенесена на ночные часы. При существовавшей тогда скученности населения едва ли не большая часть помещений все равно никогда не видала не только прямого солнечного света, но даже и рассеянного дневного. Зато днем, в часы отдыха, люди имели возможность использовать живительный солнечный свет и тепло. Те, кто во всю свою жизнь видел солнце лишь в редкие праздничные дни, получил теперь право наслаждаться его благотворным воздействием. Но, конечно, целый ряд предприятий, обслуживающих наиболее жизненные потребности, прежде всего магазины и рестораны, работали почти круглые сутки, что, впрочем, широко практиковалось и раньше, в «сонное» время. Перерыв в работе почти везде приурочивался к полуденным часам, получившим название «часов солнца», и в это время население городов стремилось прочь от шумных улиц, в тщательно охраняемые уголки природы, чтобы хоть немного отдохнуть от невероятно нервной, напряженной жизни города. Что касается всевозможных увеселительных заведений, то они также расширили свою деятельность до максимума. Театры давали в сутки по несколько спектаклей; кино-театры, клубы, площадки для игр и т. п. функционировали круглые сутки.

Везде и всюду кипела жизнь.

Это была сказочная пора в истории мира. Возможности, открывшиеся перед человечеством с приобретением новой части жизни, превосходили, казалось, самое пылкое воображение.

VI.

А МЕЖДУ тем катастрофа приближалась, ужасная, быстрая, неотвратимая.

В пылу первого увлечения новой жизнью никто не обращал внимания на страшные симптомы. События же надвигались с невероятной быстротой. Тучи на жизненном небосклоне быстро сгушались, и скоро грянули первые раскаты грома.

Количество смертей увеличивалось изо дня в день с поразительной скоростью, и кривая смертности неуклонно ползла вверх, загибаясь все круче и круче. Крематории не успевали испенелять тела погибших, не смотря на то, что число крематориев за последнее время значительно возросло. Увеличение смертности происходило сначала главным образом за счет роста самоубийств, но потом, с развитием техники, в той же прогрессии, и даже еще сильнее, начало возрастать число смертей от несчастных случаев. Крушения поездов, аварии пароходов, падения аэропланов, пожары, взрывы и обвалы следовали друг за другом, унося сотни тысяч жертв.

Все это было следствием одной и той же причины — небывалого роста психических и нервных заболеваний. Эта ужасная эпидемия, далеко превзошедшая по размерам истеро-эпилептические эпидемии в Европе IX—XI веков; эпидемия более разрушительная по своим последствиям, чем самые сильные эпидемии чумы и холеры, какие только знала история, чем могучие некогда враги человечества—туберкулез и сифилис,—охватила весь мир и грозила задушить его в своих цепких лапах. Больницы были переполнены, медицинского персонала не хватало.

Нервная система человека оказалась непригодной к жизни без сна. Мышцы, снабженные ретардинами, быстро восстанавливали свою работоспособность; внутренние органы не нуждались в отдыхе, равно как иннервирующие их нервы и управляющие этими нервами мозговые центры. Но небольшой участок лобной доли коры головного мозга, центр высшей психической деятельности,—этот кусочек так называемого серого вещества не мог выдерживать непрерывной работы.

Сон, благодетельный целитель всех страданий, физических и нравственных, покинул человечество. Наркотический сон, тяжелый, полный кошмаров, конечно, не мог принести желанного облегчения. Вместе со сном человек потерял и дар забвения. Его

мысли и чувства были всегда с ним, и страдание, раз завладев сознанием человека, преследовало его неотступно. Усиливаясь с течением времени, оно неизбежно приводило к тяжелому психическому заболеванию, и очень часто—к самоубийству.

Скоро стало уже не хватать рабочих рук. Фабрики начали останавливаться, предприятия закрываться. Тут вспомнили о людях, незараженных «бессонным ядом», как теперь все называли препарат профессора Шмидта. Те, кого так недавно презирали и называли дикарями, сразу заняли привилегированное положение, сделавшись высшими людьми. Их назначали на самые ответственные должности, им платили огромные оклады, специальные агенты розыскивали их по всем уголкам земного шара.

Но нормальных людей было мало, страшно мало. Многие пытались выдать себя за неподвергавшихся прививке, и сначала это нередко удавалось. Однако в скором времени один врач открыл способ легко и безошибочно отличать «сонных» от «бессонных». Испытуемому направляли в глаз пучек света и следили за реакцией зрачка; реакция у получивших прививку резко отличалась от реакции у нормальных. Это устранило всякую возможность симуляции.

Опять начали издаваться законы, воспрещавшие под страхом строжайшей ответственности делать противосонные прививки, в особенности детям.

Но было уже поздно.

Мир быстрыми шагами шел к гибели, предотвратить которую, казалось, ничто не в состоянии.

VII.

НАКОНЕЦ-ТО, дорогой Браун, наконец-то мы у цели наших долгих исканий!—воскликнул проф. Шмидт в радостном возбуждении, которое он, едва ли не впервые в жизни, не пытался скрыть.

—Надо так признаться, что мы поспели как нельзя более во время. Еще немного,—и никакие человеческие силы не могли бы остановить разрушение мира. Желал облагодете-

тельствовать человечество, я причинил ему неисчислимые бедствия. Но теперь я, кажется, смогу, если не искупить, то хотя отчасти загладить свою ужасную вину. Смотрите, сон вполне нормальный; все органы функционируют совершенно правильно.

Профессор стоял посреди своей физиологической лаборатории, держа в руках обезьянку, которую он только что исследовал. На столах лежало несколько кроликов и морских свинок, также погруженных в сон. Ассистент Браун сидел в кресле, устремив взгляд в пространство, и, казалось, ничего не слышал.

С того самого времени, как он признался профессору в похищении тетрадей, Браун находился в состоянии, близком к сомнамбулизму. Он работал, ел, пил, двигался, как автомат, почти не сознавая, что делает. И тем не менее, он производил опыты, делал вычисления, одним словом исполнял всю работу, которую поручал ему профессор, и исполнял хорошо.

Так работали они в течение всего описанного времени, столь богатого событиями, работали в период расцвета, равно как и в период упадка, работали тогда, когда имя профессора Шмидта с благоговением произносилось сотнями миллионов уст, и тогда, когда оно произносилось с проклятием. Несколько десятков крупных лабораторий были заняты той же работой, но до последнего времени сколько-нибудь значительных результатов достигнуто не было.

И вот теперь, наконец, реактив, уничтожающий действие противогипнотоксичной прививки, был найден. Профессору Шмидту удалось перевести катализатор антигипнотоксичной реакции в комплексное соединение и таким образом уничтожить его активный ион, заменив его новым, комплексным ионом.

Превращение совершалось внутри организма при впрыскивании нового реактива в кровь. Задача избавления от «бессонного яда» была разрешена блестяще. Техника получения препарата была не сложна и доступна даже очень скромно оборудованным лабораториям; исходные продукты

принадлежали к числу распространенных веществ и были дешевы.

— Теперь остается произвести последний и решающий эксперимент,— весело сказал профессор.— Объектом опыта, как и в тот раз, буду я сам. Я, признаюсь, давно уже был бы не прочь немного поспать. А вы, дорогой Браун, пока я буду в объятиях Морфея, не теряя времени оповестите весь мир о нашем открытии. Я уверен, что вам на это не придется потратить слишком много труда. Я прилягу здесь, в лаборатории, а если слишком засплюсь, то вы разбудите меня завтра как можно раньше. У меня еще много дела.

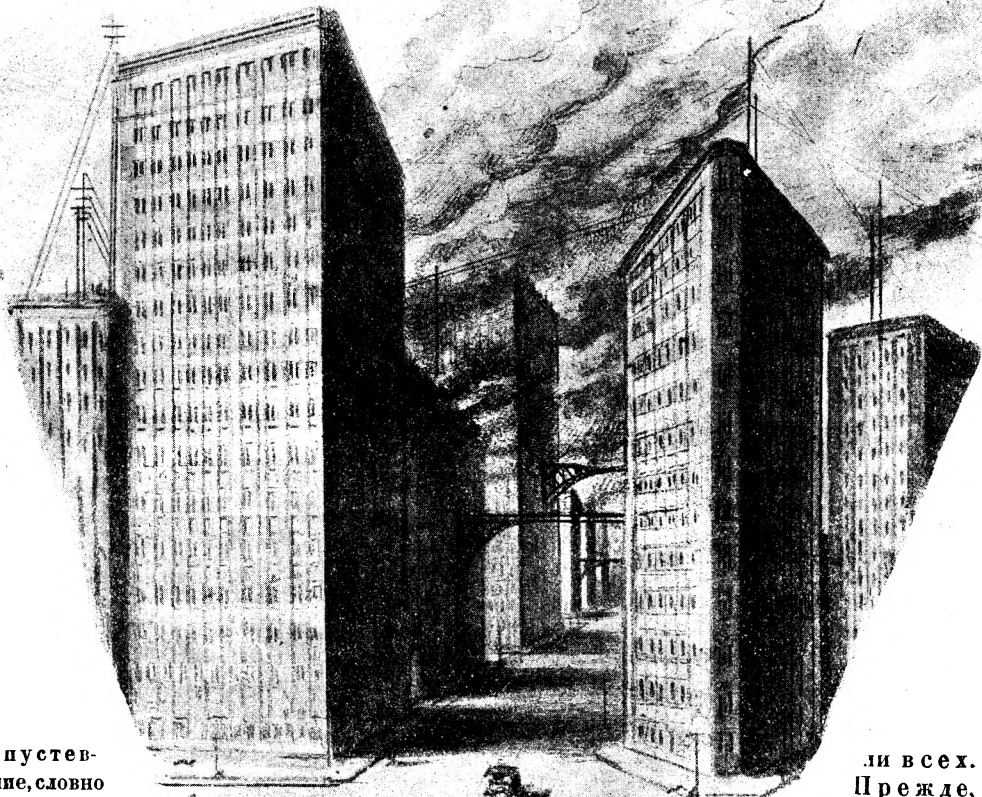
С этими словами профессор погрузил иглу шприца в свою левую руку и впустил под кожу несколько капель золотистой жидкости. Затем он расположился поудобней на небольшом кожаном диване и почти мгновенно погрузился в сон.

VIII.

ПРОФЕССОР не ошибся в своем предположении. Известие о новом открытии, переданное крупнейшими радиостанциями мира, быстро облетело земной шар.

Сообщение об избавлении от «бессонного яда» вызвало неопишемое возбуждение. Еще так недавно человечество было взволновано открытием антигипнотоксичного катализатора и с великими надеждами и верой в светлое будущее устремлялось к новой жизни. И вот, спустя немного времени, пережив крушение всех надежд и поняв свою страшную ошибку, оно с еще большим волнением встречало новую весть, ища в ней спасения от гибели.

История, казалось, начала повторяться. Опять заработали с лихорадочной поспешностью наскоро организованные лаборатории и прививочные пункты, и опять миллионы людей толпились в приемных, ожидая своей очереди на прививку. Стремление избавиться от сна сменилось еще более горячим желанием возврата к старому, возврата к прежней жизни.

Опустевшие, словно вымершие, улицы представляли жуткую картину. Все спало. Тишина нарушалась лишь воем голодных собак, искавших пищи. Тьма прорезалась лишь заревом пожаров...

IX.

Те, кто полагал, что человечество счастливо избавилось от последствий небывалого в истории эксперимента, едва не кончившегося катастрофой, жестоко ошиблись. События, происшедшие вслед за этим, по своей невероятности далеко превзошли все случившиеся ранее и были настолько неожиданны, что буквально ошеломи-

ли всех. Прежде, чем кто-либо успел осознать положение, мир уже стоял перед лицом новой катастрофы.

Организация призывок была поставлена настолько удачно, что не прошло и недели со времени их начала, как большая часть человечества была погружена в сон.

А между тем спящие не просыпались.

Сначала это явление казалось естественной реакцией организма после периода продолжительного бодрствования и, хотя производило задержку в обычном темпе жизни, не вызывало ни

в ком опасения. Прививки продолжались попрежнему, так как все понимали, что медлить нельзя ни минуты. Работники лабораторий и прививочных пунктов, сознавая всю ответственность своей роли, себе прививок не делали.

Того, что случилось далее, никто предвидеть не мог.

Почти внезапно жизнь остановилась. Как в волшебной сказке о заклятом царстве, по мановению жезла злой колдуньи мир погрузился в сон. В несколько дней стало все— фабрики и заводы, железные дороги, трамваи и, наконец, водопроводные и электрические станции. Бездействовали телефон, телеграф и радио. Всякое снабжение прекратилось. Перед населением городов сразу вырос кошмарный призрак голодной смерти. От употребления речной воды и недоброкачественных продуктов начались массовые заболевания.

Опустевшие, словно вымершие, улицы городов представляли жуткую картину. Тишина нарушалась лишь воем голодных собак, бродивших в поисках пищи. С наступлением ночи все погружалось в непроглядную тьму, прорезаемую местами лишь заревом пожаров, которые некому было тушить. Не менее ужасный вид представляли и сельские местности, где запертые в хлевах голодные животные наполняли окрестности ревом и блеянием на тысячи голосов.

Х.

ОЦЕПЕНЕНИЕ, охватившее в первые дни катастрофы всех оставшихся в бодрственном состоянии, продолжалось недолго. Пред лицом гибели человечество воспрянуло в одном мощном порыве. По первому призыву все, кто только был в состоянии, вышли на великую борьбу с разрушительной стихией. Все поняли, что настал момент, когда должна решиться судьба мира. Всякое промедление могло повлечь за собой миллионы жертв, человечество должно было отстаивать свое право на существование.

Никто не знал, как и откуда был брошен этот великий призыв. Он прозвучал, как легендарная труба ар-

хангела, возвещая воскресение мертвых, и все повиновались ему, не колеблясь ни минуты.

Призыв исходил, повидимому, откуда-то из восточной Европы и передавался радио-станцией большой мощности. Первый приказ был—установить связь, во что бы то ни стало пустить в ход радиостанции. И радиостанции были пущены. Согласно следующим приказам, немедленно были организованы повсеместно «комитеты спасения», которые тотчас приступили к формированию «дружин спасения». Все действовали по одному общему плану, как солдаты одной армии, хотя никто не знал, кем этот план вырабатывался и где находился главный штаб великой армии спасения. Города были разбиты на участки, сельские местности— на районы, и в каждом участке, в каждом районе работала своя дружина. Все запасы продовольствия и топлива были распределены равномерно и снабжение налажено с помощью авио-транспорта. Водопровод и освещение также удалось восстановить сравнительно легко. Но организовать в сколько-нибудь значительных размерах производство хотя бы продуктов питания—нечего было и думать, слишком ничтожны были силы. Главной и основной задачей дружин была забота о спящих, и с этой задачей едва под силу было справиться. Правда, расходуя мало энергии, спящие потребляли сравнительно мало пищи, но зато самый процесс приготовления пищи и кормления требовал много труда и времени.

Сон протекал различно в зависимости от индивидуальных особенностей спящих. Одни были совершенно недвижимы и нуждались в искусственном введении пищи; другие находились в состоянии, подобном гипнотическому сну: их можно было заставить бессознательно подниматься, двигаться и принимать пищу. Но общей особенностью всех спящих было то, что их кожа приняла особый золотистый оттенок, что дало повод назвать это необыкновенное явление «золотым сном».

XI.

КАК случилось, что ассистент Браун остался в бодрственном состоянии, он сам этого не знал. Он продолжал пребывать в глубокой прострации, и все было ему безразлично. Кроме того, находясь всецело под влиянием профессора Шмидта, человека необыкновенно сильной воли, он привык подчиняться ему во всем и без приказа профессора ни за что не решился бы сделать себе прививку.

Когда все попытки разбудить профессора в назначенное им время оказались бесплодными, Браун не придавал этому особого значения. Он знал, что самое главное сделано, и считал свою роль оконченной. Целый день он бесцельно бродил по лаборатории или сидел неподвижно в кресле, глядя в одну точку. Безделье нисколько не тяготило его. То же повторилось на второй и на третий день. Никто из младшего персонала и служащих лаборатории не показывался. Ассистент вспомнил, что надо накормить лабораторных животных. Когда он занимался кормежкой кроликов и свинок, ему пришла в голову мысль, что спящий профессор тоже ничего не ел уже третий день. Он хотел позвонить по телефону, чтобы прислали перенести профессора к нему на квартиру. Но телефон не работал. Розыскав кое-какую провизию и вернувшись в лабораторию, Браун не без труда заставил профессора проглотить несколько кусков и выпить немного воды.

Сидя перед неподвижным телом своего учителя, Браун погрузился в глубокое раздумье. Внезапно он вскопчил, как от сильного толчка. Все стало ему ясно. Профессор не проснется никогда, как не проснутся и все остальные, получившие прививку. Было очевидно, что новое комплексное соединение, образовавшееся в результате реакции в организме, действовало особым образом на клетки лобной доли, в результате чего антиглиптоксин совершенно не вырабатывался. Чтобы вернуть сознание спящим, необходимо было удалить парализующее вещество из организма или

перевести его в другое соединение, не обладающее токсическими свойствами. Второй путь был более надежен. Возможность производить желаемые реакции внутри организма была еще раз подтверждена прививкой «золотого сна», и, следовательно, оставалось лишь найти соответствующее соединение, которое вероятнее всего должно было быть нерастворимой солью.

Не теряя ни минуты, Браун и принялся за работу. От его прежней апатии не осталось и следа. Сознание огромной ответственности, выпавшей на его долю, сразу вернуло ему утраченные силы, и он почувствовал прилив энергии, какого не испытывал со времени начала своей ученой карьеры.

XII.

ПОЛОЖЕНИЕ медленно, но неуклонно ухудшалось. Запасы продовольствия подходили к концу, а наладить в сколько-нибудь значительном масштабе производство продуктов питания попрежнему не представлялось возможным. Еще хуже обстояло дело с добычей топлива и получением необходимой энергии. Поломки на станциях зачастую приводили к остановке их в виду бездействия механических мастерских и машиностроительных заводов, делавшего невозможным иногда даже самую незначительную починку.

Дружины спасения выбивались из сил. Среди «бессонных» было много почти совершенно неработоспособных и число их с каждым днем увеличивалось. Все держались исключительной энергией и самоотвержением ничтожной кучки нормальных, «сонных» людей. Но и эти люди начинали уже терять последнюю надежду на спасение.

В третий раз радостная весть, весть о спасении облетела мир.

Но на этот раз она не вызвала никакого энтузиазма. Человечество, наученное горьким опытом, потеряло веру в великие открытия. Все ждали худшего и к новому известию отнеслись с недоверием и даже враждебностью, тем более, что оно исходило из той же лаборатории.

А между тем это была действительно весть о спасении.

Ассистент Браун открыл соединение, вступающее в реакцию с комплексной солью «золотого сна» и дававшее с ним нерастворимый осадок. При введении реактива в кровь образовавшийся осадок инкрустировал стенки кровеносных сосудов, избыток же реактива удалялся вместе с выделениями. Таким образом организм освобождался от всякого воздействия введенных ранее соединений и возвращался к своему первоначальному нормальному состоянию.

Путь к спасению был не легок. Только исключительная энергия и настойчивость ассистента Брауна, соединенная с глубиной научной мысли, привели его опыты к положительному результату. Реактив Брауна требовал очень сложного синтеза и содержал в качестве главной составной части один из очень редких и дорогих элементов.

Когда первые опыты пробуждения спящих дали блестящий результат, всякое сомнение быстро исчезло. Были немедленно снаряжены экспедиции во все места известных месторождений редкого элемента,

и организована его добыча и обработка. Снова заработали лаборатории, изготавливая спасительный реактив, с помощью которого специальные отряды, переходя из дома в дом, вносили в запустелые жилища новую жизнь. Чары злой колдуньи были разбиты, и спящее царство начало медленно оживать.

XIII.

ВСЕ идет прекрасно, дорогой Браун, — говорил профессор Шмидт, входя в лабораторию вскоре после своего пробуждения. — Разрушения, правда, весьма велики, как велико, к сожалению, и число жертв, но мир быстрым темпом заживает полученные раны. Наше дело окончено.

Дорогой Браун, вы искупили свою вину перед человечеством. Позвольте позвать вашу честную руку и сказать, что я горжусь вами, горжусь тем, что вы были когда-то моим учеником.

— От всей души благодарю вас, дорогой учитель. Я только исполнил свой долг. А теперь прошу вас не отказать в моей просьбе.

Ассистент взял шприц, наполненный золотистой жидкостью.

— Я прошу вас, — продолжал он, делая укол, — не будите меня. Я хочу спать долго, много лет, спать до тех пор, пока последнее

воспоминание об ужасных событиях не изгладится из памяти людей.

ЧТО ТАКОЕ СОН?

ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ.—ЕГО ЯВЛЕНИЯ.—ТОКСИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА.—МОЖНО ЛИ БЕЗНАКАЗАННО УПРАЗДНИТЬ СОН?—ЗАКОН РИТМА В ЖИЗНИ.

Статья проф. В. М. НАРБУТ—научное послесловие к рассказу «ОДНА ТРЕТЬ ЖИЗНИ».

Сон занимает средним числом третью часть человеческой жизни.

От Гераклита и Демокрита, Платона и Сократа до Лейбница и Локка, Гегеля и Канта—мы встречаем бесконечный ряд более или менее остроумных гипотез, но не видим ни одного сколько-нибудь достоверного объяснения. Что касается важности сна, то еще Кант сказал: «Огните у человека надежду и сон, и он будет несчастнейшим существом на земле». Для понимания

значения сна необходимо понять условия, благоприятствующие наступлению сна. Таким условием прежде всего является—утомление. Это утомление может быть результатом двух факторов—физического и умственного труда.

Физическое утомление наступает, как следствие мышечной работы: во время ее деятельности вещества мышечной ткани потребляются, вследствие чего необходимо их возобновление. Чем усиленнее работа,—усиленнее расход,—тем оживленнее должен быть реституционный процесс.

Процесс утомления мышечного аппарата заключается в потере способности его сокращаемости.

С биохимической точки зрения явления утомления обуславливаются накоплением в мышце мясомолочной кислоты.

То же самое происходит и при умственной работе в нервном веществе, т. е. в центральной нервной системе.

И здесь мы видим, как это доказано было впервые Шлейденом, что головной и спинной мозг после усиленной деятельности заключают в себе определенную кислоту. Необходимо указать также, что еще Раух в 1860 г. производил опыты над действием молочной кислоты, как обуславливающей явления значительного утомления и сна. В 1875 г. Прейер обратил внимание ученых на открытое им снотворное действие молочной кислоты и молочнокислого натра.

Эти явления метаболизма, выражающиеся в субъективных ощущениях утомления, вынуждают во что бы то ни стало сон; и никакие раздражения не в состоянии освободить организм от потребности заснуть.

Задача сна заключается не только в возобновлении потраченного материала но и в удалении вредных продуктов, явившихся следствием работы организма.

Нами наблюдаем был случай, где, после перенесенного брюшного тифа, в течение двух месяцев у больного было абсолютное отсутствие сна. Несомненно, это надо отнести насчет тех токсинов, которые развились, как следствие брюшнотифозной инфекции.

Известно также, что многие душевные заболевания, обусловленные аутоинтоксикацией организма, в начальной стадии своего развития сопровождаются упорной бессонницей.

Автор помещенного выше рассказа принял именно эту токсическую гипотезу происхождения сна и на ней построил фантастическое предположение об изобретении такого антитоксина, который препятствовал бы появлению утомления, *eo ipso*—сна. Несомненно, это привело бы к быстрому изнашиванию всех тканей организма, и в частности—нервно мышечной системы,

Но кроме утомления существует еще много других условий, благоприятствующих наступлению сна.

К числу их относится отсутствие внешних и внутренних раздражений организма.

Так, известно наблюдение выдающегося невропатолога, проф. Штрюмпеля в Лейпцигской клинике, где имелся больной, который только при посредстве правого глаза и левого уха находился в общении с внешним миром; остальные органы чувств и мышечные ощущения были у этого человека потеряны. Если сказанному больному закрывали действовавшие глаз и ухо, то он весьма быстро засыпал, и ни толкаем, ни уколами его нельзя было разбудить, последнее достигалось, если ему кричали в левое ухо или направляли сильный свет на правый глаз.

Наступлению сна способствует также монотонное возбуждение органов чувств.

С этим моментом хорошо знакомы врачи, занимающиеся лечением гипнозом. Здесь нам нет возможности входить в рассмотрение теории гипнотических состояний, т. е. вызывания искусственного сна. Целый ряд крупнейших ученых, как Гайденгайн, Бенедикт, Эйленбург, Бернгейм, Шарко, Бехтерев и др. стремились дать объяснения этим состояниям,—и мы однако не можем признать ни одно из них исчерпывающим.

Привычка играет видную роль в числе условий, благоприятствующих появлению сна. Большинство людей ложатся в определенный час спать без особенно ясно выраженной потребности сна, единственно в сознании необходимости проспать определенное время. Здоровому человеку, при благоприятных условиях, достаточно желать уснуть, чтобы достигнуть желаемого. Из жизнеописания Канта известно, что он вследствие одного только волевого усилия был в состоянии вызвать у себя сон.

Следует еще упомянуть и о влиянии на организм человека окружающей температуры. Жара действует, как известно, расслабляюще и усыпляюще. Прейер объясняет действие жары тем, что она благоприятствует отвлечению кислорода от субстрата сенсорных и моторных функций мозга и обращению его на окисление всегда циркулирующих в организме «утомляющих веществ» (Ermüdungs Stoffe).

Нельзя не упомянуть еще об одном состоянии, благоприятствующем наступлению сна—удовлетворении полового влечения. Знаменитый Галлер говорит по этому поводу: «похотливость делает животное сначала живым и веселым; удовлетворение производит подавленное настроение и влечение ко сну».

Распространившееся за последние годы заболевание так называемой сонною болезнью (Encephalitis lethargica) выдвинуло новую теорию в происхождении сна—это значение так называемых стриальных ганглиев и центров, расположенных на основании мозга.

Таким образом мы видим, как сложны явления происхождения сна.

Рассматривая различные отправления спящего организма мы наблюдаем всюду понижение и уменьшение их деятельности.

Перистальтические движения ослабевают, движения желудка останавливаются совсем. Все выделения уменьшены. Выделяемая ночью моча имеет больший удельный вес, концентрированнее и более кислой реакции. Понижение деятельности всех органов во время сна распространяется в частности и на мозг.

Что касается состояния центральной нервной системы во время сна, то Блюменбах первый объяснил причину сна—анэмией мозга. На ряду с этим было высказано предположение (Лендер), что накапливающаяся в организме углекислота действует наркотически на мозг и возбуждает сон.

В противоположность этому, крупнейшим физиологом Пфлюгером было высказано предположение, что в организме во время сна происходит накопление кислорода, а не углекислоты.

По мере уменьшения запаса кислорода слабеет сила окислительных процессов в нервной системе, вследствие чего наступает сон, во время которого происходит накопление кислорода. Таким образом, избытком кислорода в организме обуславливается бодрствование, недостатком его—сон организма.

Необходимо еще упомянуть об явлениях сна, как следствии общего ритмического процесса в природе. Идея ритма была высказана впервые Бурдахом, который прямо определяет сон и бодрствование, как форму ритма. Фирорд поддерживает эту же точку зрения. Фирорд говорит: периодичность представляется вообще основным явлением всей природы; она встречается во всех организмах.

Делались наблюдения над предотвращением наступления сна, но все они ограничивались кратковременными испытаниями.

Возможность такого антитоксина не исключена, но результаты его длительного влияния на организм должны быть весьма печальны.

Автор и развил эту мысль в своем рассказе.

В жизни несомненно господствует ритм: сон сменяется бодрствованием, и бодрствование сном—это закон жизни, и содействовать нарушению ритма—это идти против законов природы.